

## ЗЕМСКО-ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Е. Д. ЧЕРМЕНСКИЙ

Либерально-кадетская историография<sup>1</sup> пыталась изобразить земско-либеральные организации «надклассовыми», представляющими «общенациональные» интересы и, следовательно, естественными вождями народа в его борьбе против самодержавия.

Подобно либерально-кадетским историкам, меньшевистские авторы<sup>2</sup> доказывали «право» либеральной буржуазии на руководство буржуазно-демократической революцией. Нельзя согласиться с Л. Г. Мамуловой, которая видит «заслугу» Б. Веселовского в том, что якобы «он вопреки буржуазно-либеральной концепции «народного» характера русского земства, показал преобладание дворянства в земстве и классовую направленность его деятельности в интересах помещиков»<sup>3</sup>.

Действительно, Веселовский признает абсолютное преобладание в земских управах дворян и чиновников, но он утверждает, что состав земцев-землевладельцев с течением времени, особенно с 90-х годов, заметно демократизировался в связи с раздроблением дворянского землевладения и увеличением среди «второго элемента» представителей свободных профессий, которые несли в земство свои демократические «интеллигентские идеалы» и «традиции». Это привело к тому, что «идейно и даже персонально грань между „вторым“ и „третьим“ элементами в 90-х гг. в значительной мере была нарушена»<sup>4</sup>. Идя рука об руку с передовыми слоями «второго элемента», «представители „третьего элемента“ накладывали печать демократизма на всю земскую работу...»<sup>5</sup>. Таким образом, Веселовский недалеко ушел от буржуазно-либеральной концепции «внеклассового» или «народного» характера земства.

В соответствии с этой концепцией Веселовский утверждает, что идеологами «Союза освобождения» и образовавшейся на его основе кадетской партии были главным образом представители свободных профессий.

Теория «синтеза» земской среды с «бессословной» интеллигенцией противоречит историческим фактам. Сам Веселовский вынужден был признать, что усиление роли «третьего элемента» встречало противодействие не только со стороны администрации, но и в среде земских

<sup>1</sup> И. П. Белокопский. Земское движение, 2-е изд., М., 1914; Кн. Дм. Шаховской. Союз освобождения (сб. «Зарницы», 1909, сб. 2).

<sup>2</sup> Б. Веселовский. История земства, т. 3, СПб., 1911; А. Мартынов. История к.-д. партии. («Общественное движение в России в начале XX в.», т. III, СПб., 1914).

<sup>3</sup> «Вестник Московского университета», 1962, № 6, стр. 33.

<sup>4</sup> Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 475.

<sup>5</sup> Там же, стр. 466.

деятелей. На этой почве в 90-х и 900-х гг. происходил ряд конфликтов с управками у врачей и статистиков<sup>6</sup>.

В связи с пятидесятилетием революции 1905—1907 гг. была опубликована статья А. Г. Слонимского «Контрреволюционная роль либеральной буржуазии накануне и во время первой русской революции»<sup>7</sup>. Автор справедливо видит в кружке земских деятелей «Беседа» «руководящий политический центр либералов» до 1905 г. К сожалению, им вовсе не использован архив этой организации, хранящийся в отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве, а также воспоминания секретаря «Беседы» В. А. Маклакова, И. В. Гессена, Н. И. Астрова, П. Н. Милюкова и др.<sup>8</sup> В результате деятельность «Беседы» освещена весьма схематично, в самых общих чертах. Неверно утверждение А. Г. Слонимского, будто лидеры «Союза освобождения» и впоследствии кадетской партии — П. Б. Струве и П. Н. Милюков уже в канун революции 1905 г. выступают «идеологами крупной империалистической буржуазии»<sup>9</sup>. В данном случае А. Г. Слонимский повторяет ошибку А. Слепкова, который в своей работе «Классовые противоречия в I Государственной думе» заявлял, что кадетская партия в период первой русской революции была партией крупного капитала. Однако уже С. Е. Сеф, исследуя движение крупной промышленной буржуазии, пришел к вполне обоснованному заключению, что «экономическая и политическая программа кадетов была для нее неприемлема. Воззрения крупных капиталистов были октябристскими»<sup>10</sup>.

В статье И. Ф. Гиндина «Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности»<sup>11</sup> поставлен важный вопрос о генезисе русского либерализма. По мнению автора, «настоящий буржуазный либерализм» возник в России лишь на рубеже XIX—XX вв. под влиянием роста массового рабочего движения в форме легального марксизма и оставался до революции 1905 г. движением буржуазной интеллигенции. Такое противопоставление традиционного земского либерализма 60—90-х годов «новому либерализму» нам представляется неубедительным. Как будет видно из дальнейшего изложения, земский либерализм с появлением «Освобождения» (1902 г.) действительно вступил в новую фазу своего развития, но по основному ядру участников и классовым интересам оставался преимущественно движением обуржуазившихся помещиков.

Преобразования 60-х годов XIX в. явились только шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазное государство. Теряя свойства исключительно крепостнического режима, вводя, в частности, местные представительные учреждения буржуазного типа, царизм оставался диктатурой дворян-помещиков и защищал в первую очередь их классовые интересы и сословные привилегии.

Русская буржуазия, несмотря на отстранение ее от участия в государственном управлении, до революции 1905 г. не решалась стать в открытую оппозицию самодержавию.

От оппозиционных выступлений буржуазия удерживало прежде всего переплетение ее экономических интересов с интересами помещиков. Широкое развитие ипотечного кредита создавало прямую заинтересованность буржуазии в судьбах дворянского землевладения. С дру-

<sup>6</sup> Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 475.

<sup>7</sup> «УЗ Таджикского гос. ун-та», 1955, т. IX.

<sup>8</sup> В. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника), Рига, 1936; И. В. Гессен. В двух веках. «Архив русской революции», т. 22, Берлин, 1937; Н. И. Астров. Воспоминания, Париж, 1940; П. Милюков. Воспоминания, Нью-Йорк, 1955, т. 1.

<sup>9</sup> «УЗ Таджикского ун-та», 1955, т. IX, стр. 126.

<sup>10</sup> С. Е. Сеф. Буржуазия в 1905 г., М., 1926, стр. 7.

<sup>11</sup> «История СССР», 1963, №№ 2 и 3.

гой стороны, помещики все более принимали участие во всевозможных торгово-промышленных, банковских и железнодорожных предприятиях.

Однако как эволюция самодержавия после 1861 г. в буржуазном направлении не означала, что оно уже превратилось в буржуазную монархию, так и переплетение интересов дворянства и буржуазии вовсе не означало, что уже наступило полное слияние или гармония их интересов. В. И. Ленин подчеркивал, что «более широко понятые интересы всей буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимы порождают либеральную оппозицию самодержавию»<sup>12</sup>. Оппозиция эта возникла и развивалась до первой русской революции почти исключительно в русле земских учреждений.

Невольно возникает вопрос, почему оплотом либеральной оппозиции в России явилось земство, а не городская буржуазия, как это было на Западе? Среди дворянства преобладали полукрепостники, которые без труда могли захватить руководящую роль в земстве. Однако «диких» помещиков земская деятельность не прельщала. Они предпочитали идти в бюрократию, а земство стало оплотом капиталистического помещика. «Земская» окраска русского либерализма была обусловлена и тем, что капиталистические помещики, благодаря активному участию в земских органах самоуправления, в этой «школе» будущих представительных учреждений значительно раньше, чем торгово-промышленная буржуазия, начали сплываться в политическую силу.

В земстве все возрастающее значение приобретал «третий элемент», т. е. наемные служащие из среды буржуазной интеллигенции — статистики, врачи, учителя, агрономы и т. д., пополнявшиеся в известной части лицами, репрессированными царским правительством, — студентами, исключенными из «высших учебных заведений, высланными из столичных городов под надзор полиции и проч. Широкое участие в земской жизни «политически неблагонадежных» лиц интеллигентных профессий повышало оппозиционность земства и усиливало его значение как центра общепромышленной фронды. В. И. Ленин отмечал, что буржуазная интеллигенция «более способна выражать широко понятые, существенные интересы всего класса буржуазии в отличие от временных и узких интересов одних только «верхов» буржуазии»<sup>13</sup>.

Несмотря на возрастающее расхождение интересов полуфеодального дворянства с «более широко понятыми интересами всей буржуазии», земско-либеральная оппозиция самодержавию до начала XX в. была крайне анемичной. Самым крупным ее проявлением были адреса некоторых губернских земских собраний в 1894—1895 гг. по случаю восшествия на престол Николая II. В этих адресах, в выражениях самых верноподданнических, говорилось о единении царя с народом, о желательности, чтобы «правда доходила до государя». Известен и ответ Николая II. Этого окрика царя было достаточно, чтобы либералы присмирели.

Политическая трусость русской либеральной буржуазии объясняется страхом перед пролетариатом, страхом, парализовавшим политические притязания буржуазии. Царизм обеспечивал ей самые грубые формы эксплуатации, а также участие в дележе экономических привилегий с помещиками. Поэтому буржуазия мирилась с деспотизмом самодержавной власти, рассчитывая на естественную эволюцию.

Подъем рабочего движения в конце 90-х — начале 900-х годов заставил либералов усомниться, в состоянии ли царское правительство защитить имущие классы от революции. Это вызвало оживление земско-либерального движения.

<sup>12</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 267.

<sup>13</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 199.

В 90-х годах возник зачаток общеземской организации — обычай встреч и общения между представителями губернских земств по текущим вопросам земской жизни. При Московской губернской земской управе было создано бюро из пяти лиц во главе с Д. Н. Шиповым. В 1896 г. оно было запрещено, но «слеты» — так назывались небольшие съезды земцев — продолжались.

В 1899 г. в Москве Шиповым и князьями Павлом и Петром Долгоруковыми был организован полуконспиративный кружок «Беседа», ставший центром либерального движения. На беседы, которые устраивались 4—5 раз в год, съезжались видные земцы со всей России. Число членов кружка достигало 50 человек. Это были крупные помещики, предводители дворянства, председатели и члены земских управ.

Первоначально в кружке обсуждались деловые вопросы земской жизни, по которым участники бесед считали желательным возбудить через губернские земские собрания ходатайства перед правительством. С начала 900-х годов, в связи с ростом революционного движения, в кружке происходят дискуссии об общей политике правительства и о способах воздействия на ее направление.

Политические взгляды «собеседников» отличались известной пестротой. Среди них были буржуазные конституционалисты, будущие лидеры кадетской партии (Ф. А. Головин, князья Павел и Петр Долгоруковы, Ф. Ф. Кокошкин, кн. Г. Е. Львов, Н. Н. Львов, В. А. Маклаков, Ю. А. Новосильцев, И. И. Петрункевич, А. А. Свечин, А. А. Стахович, князья Е. Н. и С. Н. Трубецкие, М. В. Челноков, кн. Д. И. Шаховской), так называемые славянофилы, сторонники «истинного» самодержавия (Ф. Д. Самарин, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков, Д. Н. Шипов) и даже будущие черносотенцы (графы В. А. Бобринский и П. С. Шереметев). Общей почвой, объединявший всех участников беседы, была надежда на мирное обновление политического строя России сверху. Как вспоминает секретарь «Беседы» В. А. Маклаков, ее члены «были связаны с правящим классом и свои помыслы естественно направляли не на свержение, а на оздоровление власти. Они старались проводить свои реформы, опираясь на самодержавную власть, а не стремясь ее ослабить и опрокинуть»<sup>14</sup>.

В связи с запиской С. Ю. Витте, в которой утверждалось, что земство несовместимо с самодержавием, так как оно конституционно по самому своему духу, Д. Н. Шипов и Н. А. Хомяков в июле 1900 г. предложили составить петицию, в которой «выяснить, что «последовательное проведение формулы: самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе — есть единственный, исторически правильный курс нашей государственной жизни и оплот действительно самодержавной царской власти»<sup>15</sup>. Предполагалось, что эта петиция будет подписана в каждой губернии 5—10 лицами (губернским предводителем дворянства, губернским председателем земской управы и городским головой и другими видными общественными деятелями) и подана конфиденциально через кого-либо из близких царю. Но это предположение не было осуществлено, так как среди «собеседников» возникли разногласия. Ф. Д. Самарин, которого просили принять на себя составление петиции, заявил, что он мыслит себе «тесное и живое общение земли» с самодержавной властью через местных людей, выбранных от «исторических» сословий — дворянства и крестьянства. Другие члены «Беседы» — Д. Н. Шипов, Н. А. Хомяков, кн. Пав. Долгоруков — признавали сословную группировку избирателей отжившей<sup>16</sup>.

<sup>14</sup> В. Маклаков. Из прошлого. «Современные записки», 1932, XLVIII, Париж, стр. 357.

<sup>15</sup> ЦГАОР СССР, ф. 810, оп. 1, д. 491, л. 9.

<sup>16</sup> Там же, д. 492, лл. 16, 36.

На одном собрании кружка в 1902 г. саратовский землец Н. Н. Львов прочитал записку «О причинах современного смутного положения России и о мерах к улучшению его». В записке подчеркивалась непрочность положения самодержавной власти, превратившейся в грубый деспотизм, ломающий все лучшие начала реформ Александра II. Чтобы предотвратить «кровавое крушение существующего государственного строя», нужны свобода личности, совести, печати, свободное развитие земского и городского самоуправления. Для достижения всего этого необходимо выборное представительство общества в законодательных учреждениях.

Мысль об «увенчании здания» — о завершении реформ 60—70-х годов введением конституционного строя — вызвала возражения Шипова и других сторонников славянофильского взгляда: народу — мнение, царю — власть. С их точки зрения, борьба с самовластием бюрократии, в которой они видели средостение между царем и народом, допустима только во имя поднятия принципа самодержавия, причем в этой борьбе следует быть очень осторожным, чтобы не сыграть на руку революционерам.

«Конституционалисты» (Новосильцев, Пав. Долгоруков и др.), наоборот, указывали на противоречие в рассуждениях «славянофилов»: «Произвол бюрократии — необходимая принадлежность самодержавного строя... Свобода совести, личности, печати — несовместимы с самодержавием», поэтому «бороться с произволом во имя самодержавия немислимо». Но не желая порывать со «славянофилами», «конституционалисты» соглашались оставить вопрос об участии представителей общества в законодательной власти открытым. Они предложили в программе говорить только о борьбе с произволом бюрократии, не касаясь вопроса о том, какие последствия произойдут от того для самодержавия. Такая уступчивость «конституционалистов» дала основание графу Шереметеву при подведении итогов дискуссии подчеркнуть «общее признание, что самодержавие в настоящее, по крайней мере, время должно оставаться во всей своей силе»<sup>17</sup>.

Прав П. Н. Милюков, который много лет спустя писал: «В «Беседе» говорилось больше об усовершенствовании великих реформ, нежели об «увенчании здания». С «конституцией» там не спешили»<sup>18</sup>.

Осуществление либеральной программы «собеседники» представляли себе на путях «нравственного воздействия на совесть самодержавия». «Если бы сам государь встал во главе общественного движения, — развивал эту точку зрения Н. Н. Львов, — какой энтузиазм вспыхнул бы в обществе, какая блестящая страница была бы занесена в историю...». Воздействие на царя было решено осуществить путем издания записки за границей. Издателем был намечен М. М. Ковалевский<sup>19</sup>.

В либеральной историографии можно встретить взгляд, что «Беседа» постепенно превратилась в кружок с исключительно конституционным направлением. «Когда в «Беседе», — пишет Белоконский, — преобладающим сделалось конституционное направление, все неконституционные элементы ушли»<sup>20</sup>. Нам кажется, что ближе к истине Д. Шаховской, который утверждает, что «Беседа» не принимала определенной политической окраски. Она сохраняла до конца значительную пестроту состава<sup>21</sup>. Действительно, из сохранившихся протоколов собраний кружка видно, что в 1902 г. в «Беседе» было отвергнуто предложение считать «Освобождение» своим органом. Кн. Петр Долгору-

<sup>17</sup> Государственный Исторический музей в Москве, отдел рукописей (далее: ГИМ, ОР), ф. 31, оп. 1, д. 142, лл. 19, 33—34.

<sup>18</sup> «Последние новости», № 5907.

<sup>19</sup> ГИМ, ОР, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 26.

<sup>20</sup> И. П. Белоконский. Указ. соч., стр. 80.

<sup>21</sup> Д. Шаховской. Указ. соч., стр. 103.

ков видел выгоду такого решения вопроса в том, что «у нас остается путь для воздействия словом на тех, кто с нами — конституционалистами — не согласен, кто еще верит в самодержавие (например, Шипов, М. Стахович и др.)»<sup>22</sup>.

Спустя год на собрании кружка 25 августа 1903 г. В. М. Петрово-Соловово снова поднял вопрос о реорганизации «Беседы» в кружок из лиц, «смело высказывающих мысль о конституции и настаивающих на ее необходимости». По его мнению, «надо стремиться покрыть Россию сетью отдельных кружков, находящихся между собой в сношениях... Приемы наши — организационного порядка — неизбежно одинаковые с революционной партией; вся разница в тактике, которая с нашей стороны носит характер корректного образа действия».

Однако эта точка зрения не была поддержана большинством «собеседников». Возражая Петрово-Соловово, кн. П. Д. Долгоруков говорил: «Объединение земских сил только желательно. Но вопрос в том, подходяща ли наша организация для того, чтобы именно она приняла на себя активную роль в данном объединении, чтобы именно она образовала сеть, покрывающую, по возможности, всю Россию».

Некоторые «собеседники» высказали интересные соображения в пользу сохранения «недоговоренности» и «неопределенности» в «Беседе». «В организации более радикальной, чем настоящая «Беседа», — говорил А. А. Стахович, — организации чисто конституционного направления, земские люди, не решившиеся положить крест на свою общественную деятельность, не примут участия... И «Беседа» потеряет в таком случае очень много членов, безусловно полезных «собеседников», в виду их опытности и преданности делу при обсуждении вопросов земской жизни». Стаховича поддержал Г. С. Толстой, заявивший, что «...конституционный кружок на легальной почве немислим, но вполне возможна на такой почве группировка оппозиционных элементов всевозможных оттенков»<sup>23</sup>.

О том, что в «Беседе» до конца уживались и сторонники и противники парламентаризма, видно также из выступления графа П. А. Гейдена на «Беседе» 31 августа 1904 г.: «Прежде чем говорить о другой форме правления, надо самим себе выяснить, какого рода представительство для нас желательно... Древние земские соборы уже не отвечают своему назначению. Парламентаризм и всеобщая подача голосов — другая крайность... для всеобщей подачи голосов разве годен наш крестьянин, не отличающий земскую управу от полицейского правления?... Я себе представляю исторический ход событий в постепенном расширении местного самоуправления»<sup>24</sup>.

В связи с открытием в январе 1902 г. Особого совещания о путях сельскохозяйственной промышленности в «Беседе» было постановлено, чтобы предводители дворянства, от которых зависело приглашать в местные сельскохозяйственные комитеты «сведущих людей», приглашали весь состав уездного земского собрания, а не одних только должностных лиц земских управ, как предлагало Министерство внутренних дел.

По инициативе «Беседы» 23—26 мая 1902 г. в Москве состоялся съезд, в котором участвовали 16 председателей губернских земских управ и другие земские деятели. Съезд признал устранение земских учреждений от выяснения нужд сельского хозяйства совершенно неправильным и высказал пожелание, чтобы к участию в работах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности были приглашены выборные от губернских земских собраний. Съезд выра-

<sup>22</sup> ГИМ, ОР, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 94.

<sup>23</sup> Там же, лл. 90—97.

<sup>24</sup> Там же, л. 155.

ботал также программу записки для представления от местных земств в губернские и уездные сельскохозяйственные комитеты.

Исходя из того, что «вопрос сельскохозяйственный в значительной мере сводится к вопросу крестьянскому», съезд рекомендовал земским деятелям выдвигать в местных комитетах следующие требования: уравнение личных прав крестьян с лицами других сословий, освобождение крестьян от административной опеки, ограждение их правильной формой суда, отмена телесного наказания, общедоступность начального образования, реформа земства на всесословном начале и расширение его компетенции, приближение земских учреждений к крестьянскому населению через создание мелкой земской единицы (волостного земства).

На съезде было избрано также постоянное бюро земских съездов в составе 18 человек во главе с Д. Н. Шиповым.

Хотя на съезде совершенно не затрагивался вопрос о реформе государственного строя, Плеве изобразил его как заговор против власти. В докладе царю 20 июня 1902 г. он утверждал, что «самое допущение организации съезда без разрешения подлежащей власти, рассмотрение им таких предметов, кои в ведение земства не входят, и, наконец, стремление к распространению выработанных им предположений в предстоящих земских собраниях представляются явлениями, свидетельствующими о возможности вступления земских учреждений в ближайшем будущем на путь осуществления идеи их объединения и вторжения в область власти государственной». Николай II выразил «неудовольствие» участникам съезда и предупредил, что «новое проявление со стороны кого-либо из них стремления к объединению земских учреждений... и тем более посягательств побудить земские собрания перейти к обсуждению вопросов общегосударственного управления повлечет за собой устранение избличенных в сем лиц от участия в общественных учреждениях»<sup>25</sup>.

Объяснения, которые представили отдельные участники земского съезда по поводу объявленного им «высочайшего неудовольствия», проливают яркий свет на причины оппозиционных настроений в земской среде. Гейден в письме Плеве 28 августа 1902 г. утверждал, что «недавние события на юге России» (массовые выступления крестьян против помещиков в Харьковской и Полтавской губерниях.— Е. Ч.) доказали бессилие власти «одной строгостью наказаний... умиротворить то, что вытекает, хотя из неверного, но глубокого убеждения народа, эксплуатируемого элементами, ищущими крутого перезорота». В создавшейся обстановке, по мнению Гейдена, «представители земельной собственности» не могут быть «только свидетелями того, как правительственная власть станет лицом к лицу с крайними элементами, стремящимися к социальному перевороту самыми опасными мерами... чувство самосохранения нам это воспрещает»<sup>26</sup>.

Вместе с «нагоняем» земским деятелям за участие в «незаконных совещаниях» 23—26 мая царское правительство хотело расколоть земское движение. В беседе с Шиповым 3 июня 1902 г. Плеве заявил, что «признает безусловную необходимость не только существования земства в его настоящем виде, но и дальнейшего развития земского самоуправления». Он обещал не стеснять хозяйственную деятельность земства, требуя за это, чтобы земцы в ближайшем, по крайней мере, будущем не возбуждали вопросов политического характера, а именно — о выборном представительстве в высших правительственных учреждениях, хотя бы даже по частным поводам, например, для участия в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а также об объединении деятельности губернских земств.

<sup>25</sup> ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1840, л. 31.

<sup>26</sup> Там же, лл. 116—117.

Еще далее по линии заигрывания с земцами пошел Витте, который выразил Шипову свою глубокую признательность за организацию майского съезда. «Если хотят получить от представителей общества не истинное их мнение, а услышать только приятное правительству, то нечего было и спрашивать», — сказал Витте. Когда Шипов начал говорить о тревоге земств, являвшейся следствием Виттевской записки и последующих правительственных мероприятий, посягающих на самостоятельность земских учреждений (например, закон о предельности земского обложения и др.), Витте ответил, что он твердо убежден в правильности двух основных положений своей записки, что земство и самодержавие несовместимы и что для правильной работы земства нужна иная, чем теперь, его организация. Витте вполне ясно дал понять, что Россия без земства не может правильно развиваться и что в результате развития земства будет ограничение самодержавия<sup>27</sup>.

Шипов был склонен заключить сделку с правительством на предложенных Плеве условиях. По предложению Шипова совещание председателей губернских земских управ 28 июля 1902 г. исключило из программы, одобренной майским земским съездом, пункт о выборных представителях земства в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

В. И. Ленин назвал заигрывание царского правительства с Шиповым земской зубатовщиной. «Искра» в статье «Волчья пасть и лисий хвост» разоблачала лицемерие и лживость Плеве, который в разговоре с Шиповым изображал себя сторонником расширения прав земских учреждений, а на самом деле проводил линию всяческого стеснения их деятельности. В «совершенно доверительных» письмах к предводителям дворянства он предложил ни под каким видом не допускать в земских собраниях обсуждения вопросов, намеченных на «недозволенном совещании... в мае в Москве»<sup>28</sup>. Очень скоро даже лояльнейшему Шипову стало ясно, что Плеве его дурачит, что он, как писал Шипов Челнокову 18 сентября 1902 г., «очевидно, хочет лавировать, хочет богатство приобрести и незинность соблюсти»<sup>29</sup>.

Несмотря на устранение земских собраний от обсуждения вопроса о нуждах земской хозяйства, либеральная программа майского съезда земских деятелей получила одобрение в громадном большинстве местных комитетов. Многие из них разрешили вопрос об участии земств в деле выяснения нужд сельского хозяйства тем, что пригласили на свои заседания всех гласных земского собрания, но некоторые комитеты, не довольствуясь этим, возбудили ходатайство о том, чтобы в их состав были включены также особые выборные представители от земств. В очень многие комитеты были приглашены крестьяне, большей частью волостные старшины, а в отдельных случаях и выборные от сельских сходов. «Только путем широкого привлечения крестьян, — писал председатель Суджанского уездного комитета А. В. Евреинов в своем «объяснении» Плеве 31 июля 1902 г., — к участию в разрешении местных вопросов совместно с владельцами других сословий, возможно уничтожение... мысли о переделе земли, которая всегда будет служить тем пороком, который ждет лишь своей искры»<sup>30</sup>.

Вообще работа местных комитетов протекала под знаком нескрываемой тревоги перед перспективой «разорительной жакерии». «Земельный вопрос, — подчеркивалось в докладе комиссии Воронежского уездного комитета, — это не просто самый острый, а грозный в сельскохозяйственной жизни вопрос. Уже теперь аграрные движения земледельческой массы делают невозможной жизнь в деревне и ведение хо-

<sup>27</sup> ЦГИА СССР, ф. 810, оп. 1, д. 148, лл. 18, 38.

<sup>28</sup> Там же, д. 492, лл. 33—34.

<sup>29</sup> Там же, л. 29.

<sup>30</sup> Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 1840, л. 25.

зяйства рядом с малоземельным крестьянином... Так жить, как живем мы в глухой провинции с опасениями за себя и за свое имущество, долгие нельзя. Нельзя хладнокровно смотреть на то, как... грозной тучей надвигаются злоеущие осложнения в форме волнений народной массы»<sup>31</sup>.

Многие комитеты, напуганные ростом крестьянского движения, возбудили также вопрос о необходимости смягчения крестьянского малоземелья. Среди других мер предлагалось облегчение крестьянам покупки земли при помощи Крестьянского банка, наделение малоземельных крестьян из свободных казенных земель или переселение крестьян, удлинение существующих сроков аренды, упорядочение сервитутных отношений, устранение чересполосицы. При помощи подобных мер либеральные помещики рассчитывали парализовать аграрное движение.

Либеральные земцы не ставили в местных комитетах вопроса об изменении государственного строя. Лишь на заседании Воронежского уездного комитета земские гласные Бунаков и Мартынов возбудили вопрос о «коренном изменении всего строя русской жизни», о создании Всероссийского и бессловного представительного учреждения. Но и эти «левые» либералы не отважились открыто потребовать ограничения самодержавия и даже произнести само слово «конституция».

В связи с деятельностью местных комитетов в правящих сферах возникли разногласия по вопросу об отношении к земско-либеральному движению.

Витте в беседе с Плеве (октябрь 1902 г.) доказывал, что «движение, ныне наблюдаемое в обществе», вовсе не создано сельскохозяйственными комитетами. «Корни его — в реформах Александра II. Здание перестроено, а купол остался нетронутым. Отсюда понятно стремление к увенчанию здания. Понятно желание свобод, самоуправления, участия общества в законодательстве и управлении... Если правительство... не даст выхода этому чувству легальными путями, оно пробьется наружу другим способом. Поэтому правительство не только должно пойти навстречу движению, но должно, по возможности, встать во главе его, овладев им... Невозможно в настоящее время не считаться с общественным мнением; правительству необходимо опираться на образованные классы».

Возражая Витте, Плеве развил доктрину «официальной народности»: «У нас до сих пор... еще крепок в народе престиж царской власти и есть у государя верная армия». Невозможность и даже опасность соглашения с либералами Плеве видел в том, что «они никогда не смогут овладеть массовым движением уже по одному тому, что они выдали так много векселей, что им придется платить по ним и сразу идти на все уступки... обновить Россию по плечу только исторически сложившемуся у нас самодержавию»<sup>32</sup>.

Правительство ответило репрессиями на попытки земских либералов поставить в местных комитетах вопросы, не предусмотренные официальной программой. Мартынов и Бунаков были подвергнуты административной ссылке, председатель Суджанского комитета Евреинов получил «высочайший» выговор, а председатель Суджанской земской управы кн. Пав. Долгоруков был уволен от службы с воспрещением в течение пяти лет участвовать в сословных и общественных собраниях.

Занятия местных комитетов показали, что оппозиционное движение, направляемое «Беседой», охватило широкие земские круги. Значительное воздействие на формирование либерального общественного мнения оказала также издательская деятельность «Беседы». При участии

<sup>31</sup> ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, лл. 8, 10.

<sup>32</sup> Отрывки из воспоминаний Д. Н. Любимова (1902—1904 гг.), «Исторический архив», 1962, № 6, стр. 82—83.

литераторов из юридического еженедельника «Право» «Беседой» было издано несколько сборников на злободневные политические темы. Один из первых сборников — «Мелкая земская единица» — под бесцветным названием скрывал животрепещущий вопрос о крестьянском равноправии, о замене сельского и волостного управления всесословной ячейкой как низшим звеном земского самоуправления. Вслед за тем появился новый сборник статей «Нужды деревни» в двух томах, посвященный разработке вопросов, затронутых и освещенных в трудах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и его местных комитетах. Эта сторона деятельности «Беседы» сблизила либеральных земцев с буржуазной интеллигенцией и подготовила почву для их общей политической работы в «Союзе освобождения».

Следующим этапом в развитии буржуазно-оппозиционного движения явилось издание журнала «Освобождение».

Еще в 1901 г. группа московских либералов, в которую входили участники «Беседы» В. И. Вернадский, И. И. Петрункевич, кн. Д. И. Шаховской, а также А. А. Корнилов, П. И. Новгородцев и др., решила создать свободную прессу за границей для борьбы за конституцию. В качестве редактора был приглашен П. Б. Струве. В фонд заграничного органа было собрано около 100 тыс. руб. Первый номер «Освобождения» вышел 18 июня (1 июля) 1902 г. в Штутгарте (Германия).

В передовой статье «От редактора» указывалось, что задачей либерального органа является борьба за политическое освобождение России: «Как в XIX в. до 1861 г. «аннибаловой клятвой» времени была борьба за освобождение крестьян, так наше время должно твердо помнить свою «аннибалову клятву» — борьбы за политическое освобождение России». При этом Струве усиленно подчеркивал, что «борьба за свободу может восторжествовать только как широкое национальное движение», как «общее дело детей и отцов, революционеров и умеренных». Таким образом, «Освобождение» в борьбе за введение представительного строя намеревалось опираться не только на либеральные, но и на демократические силы.

Претендуя на гегемонию в «освободительном» движении, либералы не могли не отдавать себе отчета в трудности этой задачи. Процесс политического оформления русской буржуазии значительно отставал от политического оформления пролетариата. «В то время как крайние направления нашей страны организованы, — признавался Струве, — либерально-умеренное ядро русского общества пребывает в состоянии почти бесформенном». Чтобы играть «первую скрипку» в движении, чтобы «получить право призывать революционеров к умеренности и отклонять их от насилий и крайностей», либералы обязаны «бросить на весы истории свои политические действия, свое гражданское мужество»<sup>33</sup>.

Вместе с тем Струве сознавал, что русский либерализм мог приобрести силу и значение только как «демократическое течение с широким размахом». Он предостерегал своих единомышленников от выпячивания помещичьей сердцевины земского движения. Земская партия, по его словам, не должна «пасть до простого представительства помещичьих интересов». Струве готов даже «занять позицию не против социал-демократии, а рядом и в союзе с ней», правда, при условии, если последняя откажется от революционных методов борьбы с самодержавием и предъявления социальных требований.

В программном заявлении «От русских конституционалистов», написанном будущим вождем кадетской партии П. Н. Милюковым, подчеркивалось, что первым и главнейшим требованием земской программы должно быть участие народных представителей в законодательной вла-

<sup>33</sup> «Освобождение», 1902, № 1, стр. 5.

сти. Далее в заявлении содержались требования личной свободы, гарантированной независимым судом, равенства всех перед законом, уравнивания крестьян в правах с другими сословиями и тому подобных политических реформ.

Однако для определения классовой природы либерального движения важно не то, что содержалось в программе, а то, о чем она предпочитала умалчивать. В заявлении пространно говорилось о «бессословности» представительного учреждения, но была опущена формула всеобщего и равного избирательного права. Ничего не было сказано и о социальных реформах. Как признается в своих мемуарах Милюков, и то и другое умолчание сделано было совершенно сознательно, ибо «задача первоначальной программы была рассчитана на объединение разнородных элементов земского — и даже не одного земского — движения»<sup>34</sup>. Маскируясь во «внеклассовые» цвета, претендуя на роль рупора «бессословного общественного мнения», либеральные политики естественно хотели утаить, что они сторонники цензовой конституции и сохранения помещичьего землевладения.

Истинный характер «Освобождения» больше всего разоблачала избранная им тактика строго легальной, мирной борьбы с самодержавием. Освободители уверяли, что самодержавие может пасть под действием «общественного мнения» в виде обращения к царю с петициями о реформах. В то же время на страницах «Освобождения» из номера в номер печатались призывы к власти предупредить революцию «своевременными» реформами: «Реформа неизбежна. Если ее не произведут сверху, она пойдет снизу»<sup>35</sup>.

В. А. Маклаков в своих воспоминаниях искусственно разрывает оппозиционное движение на два взаимно исключających друг друга этапа: 1) лояльный либерализм (до Плеве), который шел от 60-х годов и старался проводить свои реформы, опираясь на самодержавную власть, и 2) «освободительский радикализм» (с 1902—1903 гг.), когда либералы будто бы перешли на сторону революции. Маклаков обвиняет «освободительское» движение в «измене либерализму», в том, что оно не сумело во-время сговориться с властью и своей «непримиримой» тактикой широко открыло двери революции, не дав самодержавию идти по пути, начатому в 60-х годах<sup>36</sup>.

В действительности с появлением «Освобождения» либералы стали искать «общий язык» с демократическими силами не во имя, а во избежание революции. Заигрывая с демократией, освободители преследовали цель подчинить своему идейному влиянию массовое движение, особенно крестьянское, чтобы направить его в мирное русло. Заигрывание с «левыми» отличает фазу «освободительства» от фазы «Беседы», когда либералы видели единственное средство избежать революции в воздействии на правящие круги путем убеждения и разъяснения ошибочности их политического курса.

Летом 1903 г. в Швейцарии состоялось совещание группы земцев, основавшей и субсидировавшей «Освобождение» (В. И. Вернадский, Петр Долгоруков, Д. Е. Жуковский, С. А. Котляревский, М. М. Ковалевский, Н. Н. Львов, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, Д. И. Шаховской) с бывшими легальными марксистами и народниками (Н. А. Бердяев, В. Я. Богучарский, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, П. Б. Струве, С. Л. Франк). На этом совещании был обсужден вопрос об оформлении либеральной организации. Большинство голосов решено было создать не партию, а союз различных групп, связанных общей задачей («освобождение» России от самодержавного

<sup>34</sup> П. Н. Милюков. Воспоминания, т. I, Нью-Йорк, 1955, стр. 236.

<sup>35</sup> «Освобождение», 1902, № 10, стр. 153.

<sup>36</sup> «Современные записки», т. XLIII, 1932, стр. 376.

режима), но сохраняющих свободу мнений по программным и тактическим вопросам.

Невозможность объединения оппозиционных сил в одну партию буржуазная историография пыталась объяснить «существенными различиями» во взглядах между земцами и «неземскими» интеллигентами. Так, Милюков пишет в своих воспоминаниях: «Сознавая свою разнородность с правым крылом, «интеллигенты» (будем называть их «освобожденцами» по преимуществу) не хотели объединяться с ним в одну «партию» и довольствовались свободной «федерацией» в Союзе»<sup>37</sup>. Однако никто из буржуазных историков и мемуаристов не сообщает, в чем же заключались «существенные различия», делавшие невозможным объединение земских либералов и «интеллигентов» на общей программе. Правда, по воспоминаниям С. Франка, на совещании летом 1903 г. в Швейцарии Н. Н. Львов возражал против «прямолинейного применения демократических принципов» и утверждал тезис «все для народа, но не все через народ». Но его речь, вспоминает С. Франк, «потонула во всеобщих заявлениях преданности демократическим началам... Объединение «интеллигентов» с «земцами» на общей платформе состоялось в общем довольно мирно и легко»<sup>38</sup>.

Подобно «Беседе» «Союз освобождения» не хотел быть партией с определенной программой. Но в отличие от «Беседы», которая не стремилась «демократизироваться», «Союз освобождения» видел свое назначение в том, чтобы быть посредником между либералами и демократическими кругами. Стремясь овладеть и управлять массовым движением, помещичье ядро «Союза освобождения», естественно, хотело завуалировать истинную природу своей организации. Поэтому неопределенность, двусмысленность, отсутствие точно сформулированной программы и известная пестрота состава «Союза освобождения» вполне устраивали его учредителей.

8 ноября 1903 г. состоялся первый съезд группы земцев-конституционалистов, на который прибыли представители от 20 губерний. Новая политическая организация ставила своей задачей проведение на сессиях земских собраний и на общеземских съездах конституционной платформы (всеобщее избирательное право, законодательный характер народного представительства). Руководящую роль в земской конституционной группе играли гр. П. А. Гейден, кн. Пав. Долгоруков и другие участники «Беседы». Первоначально, по-видимому, предполагалось, что земская конституционная группа войдет в «Союз освобождения» в качестве особой «профессиональной группы». Однако на съезде земцев-конституционалистов 23 февраля 1904 г. эта мысль была отвергнута под предлогом, что включение земской группы в «Союз освобождения» могло бы сузить рамки первого «ввиду непривычки земцев к конспирации и разношерстности».

Командную роль и в «Союзе освобождения» и в земской конституционной группе играл либеральный помещик с той лишь разницей, что в первом случае он действовал в блоке с мелкобуржуазными демократами, а во втором — без них. Впрочем, строго говоря, разграничительной линии между этими организациями не было. По свидетельству Шаховского, они «действовали в близком единении и составляли как бы две связанные друг с другом части одного сложного целого».

Чем же оправдывалось, с точки зрения либералов, параллельное существование «Союза освобождения» и земской группы? Конечно, официальный мотив — боязнь сузить рамки земской группы в случае ее вступления в «Союз освобождения» — играл второстепенную роль. По-

<sup>37</sup> П. Н. Милюков. Воспоминания, т. I; стр. 266.

<sup>38</sup> С. Франк. Биография П. Б. Струве, Нью-Йорк, 1956, стр. 39.

следний ставил своей конечной целью «объединение широких демократических кругов в достаточно сильную для материального успеха партию»<sup>39</sup>. Рассчитывая со временем превратить свой союз в «демократическую» партию, освобожденцы всячески подчеркивали его якобы внеклассовый характер. Вхождение же земской группы в «Союз освобождения» сразу же вызвало бы подозрения в близости освобожденцев к дворянским кругам и помешало бы им лавировать между самодержавием и революционным народом. Отсюда разделение труда, формальная обособленность этих связанных друг с другом частей одного целого. Стремлением затушевать свои помещичьи корни объясняется также отказ освобожденцев от признания земских съездов центром оппозиционного движения.

3—5 января 1904 г. в Петербурге нелегально заседал первый съезд «Союза освобождения», в котором участвовали делегаты от 20 городов. На этом съезде был избран высший орган Союза — Совет, в который вошли в равном числе земцы-конституционалисты (Петр Долгоруков, М. М. Ковалевский, Н. Н. Львов, И. И. Петрункевич, Д. И. Шаховской — все члены «Беседы» и И. В. Луцицкий) и мелкобуржуазные демократы (В. Я. Богучарский, Е. Д. Кускова, Л. И. Лутугин, С. Н. Прокопович, А. В. Пешехонов и В. В. Хижняков).

Совет решил начать свою деятельность с устройства во всей России банкетов в годовщину освобождения крестьян — 19 февраля, на которых требовать «увенчания здания» — завершения реформ 60—70-х годов введением конституционного строя. Но когда приготовления к банкетной кампании были уже в разгаре, вдруг разразилась война с Японией. «Начались патриотические манифестации, — вспоминает И. В. Гессен, — внимание общества отвлечено было в сторону и казалось бестактным и рискованным в такой момент предъявлять правительству требования внутреннего преобразования»<sup>40</sup>.

В данной связи необходимо остановиться на отношении либеральной буржуазии к дальневосточной политике царизма, тем более, что по этому вопросу в советской историографии до сих пор высказываются ошибочные мнения. Например, Э. Розенталь утверждает, что «агрессивная дальневосточная политика царизма полностью поддерживалась и либерально-буржуазными кругами России»<sup>41</sup>.

Между тем в буржуазных кругах не было единодушия в оценке царской политики на Дальнем Востоке. Торгово-промышленные круги строили планы при помощи КВЖД резко увеличить торговлю со странами Дальнего Востока. Наиболее влиятельный орган промышленников «Горнозаводской листок» видел выход из затруднений, вызванных экономическим кризисом, в захвате внешних рынков в Азии<sup>42</sup>.

Однако широкие круги либеральной буржуазии, органом которых было «Освобождение», решительно выступали против дальневосточной авантюры самодержавия и за примирительную политику по отношению к Японии, Англии и США на том основании, что отвлечение русских сил на Дальний Восток надолго ослабит Россию на Балканах, в Турции и Персии, этой «естественной сфере ее культурного, политического и экономического влияния». «Война с Японией, — предупреждало «Освобождение» 2 (15) декабря 1903 г., — не зажжет никакого энтузиазма в России»<sup>43</sup>.

<sup>39</sup> Д. Шаховской. Указ. соч., стр. 119, 120, 171.

<sup>40</sup> И. В. Гессен. Указ. соч., стр. 176.

<sup>41</sup> Э. Розенталь. Дипломатическая история русско-французского союза, М., 1960, стр. 32.

<sup>42</sup> См. «Горнозаводской листок», 1903, № 24, стр. 6360—6368.

<sup>43</sup> «Освобождение», 1903, № 13(37), стр. 223.

На учредительном съезде «Союза освобождения» был сделан доклад о внешнеполитической программе либеральной партии. В основу ее «должно лечь сохранение мира и прекращение всяких притязаний в Корею и Маньчжурии... Постепенная и по возможности быстрая ликвидация — хотя бы и с финансовыми потерями — всей этой авантюры, т. е. как Маньчжурии, так и Порт-Артура». Задачей либеральной партии должно стать «изменение унижительного поведения России на Балканском полуострове»<sup>44</sup>.

Отрицательное отношение либералов к дальневосточной политике царизма не помешало им с объявлением войны занять шовинистическую позицию. Струве поспешил заявить в «Освобождении», что во время войны нельзя не драться с «внешним врагом»<sup>45</sup>. 11 февраля 1904 г. он опубликовал обращение к студенческой молодежи с приглашением принять участие в «патриотических» манифестациях<sup>46</sup>. В воззвании «К русскому обществу» от группы земцев-конституционалистов подчеркивалось, что «сражаться за Россию является теперь уже национальным делом». Ярославское, Харьковское и многие другие земства выступили с восторженными верноподданническими адресами и жертвовали миллионные суммы на военные расходы.

На «Беседе» 15 февраля 1904 г. было постановлено, что война обязывает общественных деятелей по возможности не причинять затруднений правительству в его внешней борьбе. Поэтому «тактика в течение войны должна быть не наступательная, а оборонительная, иначе говоря, не следует брать на себя инициативу новых реформ»<sup>47</sup>. В соответствии с этой директивой либералы выступали на страницах «Освобождения» за прекращение на время войны оппозиции самодержавию. «Освобождение» призывало бросить теперь всякие политические счеты с правительством и слиться с ним в «патриотическом воодушевлении». 18 апреля (1 мая) 1904 г. в «Освобождении» было напечатано «Письмо к редактору», в котором говорилось: «Вопрос о водворении в нашей стране политической свободы, первостепенный и неотложный вопрос мирного времени, должен в настоящий момент отойти на второй план. На первом плане должно стоять достижение Россией победы над внешним врагом, не разбирая того, какая у нас форма правления — самодержавная или конституционная»<sup>48</sup>.

Лишь после того как непрерывные поражения царизма обнаружили его полнейшую несостоятельность в военном отношении и в стране обострился революционный кризис, либералы стали переходить в оппозицию. Открывая заседание «Беседы» 31 августа 1904 г., кн. Пав. Долгоруков поставил вопрос, не пора ли земству отрешиться от «казенного патриотизма» и перейти к наступательным действиям, сделав правительству заявление о необходимости кончать бесцельную войну? Маклаков обратил внимание на то, что за последние месяцы произошла полная перемена общественного мнения по вопросу о быстрой и решительной победе. Никто уже не ждет победоносного шествия в Маньчжурии. Даже «Гражданин» свидетельствует, что многие благонамеренные люди настаивают на скорейшем заключении мира. Само правительство, по-видимому, ничего не имело бы против этого, пожалуй, было бы даже благодарно за облегчение этой задачи.

В завязавшейся дискуссии обнаружились две линии. По мнению Петрово-Соловово, мир без победы был бы совсем нежелателен. Ему возражал Н. Н. Львов, который считал, что «нужно кончать бесцельную

<sup>44</sup> «Освобождение», 1904, № 18(42), стр. 315.

<sup>45</sup> Там же, № 17(41), стр. 301.

<sup>46</sup> «Листок освобождения», 1904, № 1, стр. 1—2.

<sup>47</sup> ГИМ, ОР, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 147.

<sup>48</sup> «Освобождение», 1904, № 22(46), стр. 400.

войну, но для ее окончания существующее правительство недостаточно авторитетно. Нужно поэтому, чтобы на земских собраниях было сделано заявление о желательности созыва выборных представителей страны в виду общего затруднительного положения, созданного войной». Формула Львова была принята «Беседой». Вопрос о том, каков же должен быть голос страны — решающий или совещательный, — остался открытым<sup>49</sup>.

Осенью 1904 г. царское правительство под давлением нарастающего революционного движения и военных неудач затеяло игру с земским либерализмом. Назначенный вместо убитого Плеве министром внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский заявил о доверии к «зрелым общественным силам», т. е. к либералам. Был ослаблен надзор за земскими учреждениями, возвращены из ссылки опальные земцы и смягчена цензура над либеральной печатью.

Правительственная «весна» вызвала необычайное оживление в земско-либеральных кругах. Земские собрания, либеральные общества и союзы выступали с приветствиями Святополк-Мирскому, в которых выражали восторг по поводу доверия власти к «общественным учреждениям». «Освобождение» заверило министра, что либералы готовы «поддержать все хорошее, идущее сверху» и что они «готовы также и ждать». Надо только немедленно объявить, что народ будет призван к управлению страной. После такого заявления «общество может временно удовлетвориться разными смягчениями и полумерами»<sup>50</sup>.

После отступления Куропаткина из Ляояна Е. Н. Трубецкой опубликовал статью «Война и бюрократия». В этой статье самодержавная бюрократия объявлялась единственным виновником неудач русского оружия. По убеждению Трубецкого, чтобы одолеть внешнего и еще более опасного «внутреннего врага» правящие круги должны поспешить с осуществлением слов Святополк-Мирского о необходимом доверии правительства к «обществу». «Бюрократия» должна стать доступно общественному контролю и править с обществом, а не вопреки обществу. Она должна быть не владыкой над безгласным стадом, а орудием престола, опирающегося на общество... И Престол, собравший вокруг себя землю, будет славен, велик и силен»<sup>51</sup>.

6—9 ноября 1904 г. в Петербурге происходил земский съезд, в котором участвовали председатели всех губернских земских управ и гласные, уполномоченные соответствующими собраниями. На этом съезде выборные представители земства впервые отважились поднять вопрос о политическом обновлении страны. Съезд признал необходимость «народного представительства». По вопросу о полномочиях последнего голоса разделились: большинство съезда (71 голос) требовало для представительного учреждения законодательных прав, меньшинство же (27 голосов) во главе с Шиповым было против ограничения самодержавия. Они полагали, что народу должна принадлежать лишь «сила мнения», право подавать советы, а «сила власти» должна остаться полностью в руках монарха.

Несмотря на известное расхождение относительно прав представительного собрания, никто из участников съезда не мыслил себе изменения государственного строя иначе, как по почину царя.

До ноябрьского земского съезда органы городского самоуправления стояли в стороне от либерального движения. Отставание городской среды от земской объясняется тем, что в думах, по крайней мере, крупных городов были представлены верхи буржуазии и притом ветхозаветного покроя, наиболее связанные с царским режимом. По городскому положению 1892 г. численность избирателей составляла в Петербурге 0,6%

<sup>49</sup> ГИМ, ОР, ф. 31, оп. 1, д. 142, лл. 152—156.

<sup>50</sup> «Освобождение», 1904, № 57, стр. 125.

<sup>51</sup> «Право», 1904, № 39, стр. 1875.

по отношению ко всему населению, в Москве — 0,7%, в Одессе — 0,5% и т. д. В городских думах одновременно заседали целые купеческие кланы. Кроме того, в составе городских гласных было немало крупных чиновников, которые избирались по квартирному цензу. Это еще более укрепляло консервативные настроения в думских кругах. Так, для петербургской думы, где особенно велика была чиновная прослойка<sup>52</sup>, даже либеральный курс Святополк-Мирского был опасным новшеством. Когда на заседании этой думы группа гласных предложила приветствовать речь Святополк-Мирского о доверии к «общественным учреждениям» от имени петербургского самоуправления, председатель думы П. П. Дурново заявил, что он лично совсем не сочувствует новому курсу, а потому находит лишним такое проявление восторга. Он не допустил даже обсуждения этого предложения<sup>53</sup>.

Однако рост рабочего движения в начале 900-х годов пробил брешь и в традиционном уповании торгово-промышленной буржуазии исключительно на царскую бюрократию. Первыми на путь оппозиционных выступлений стали московские капиталисты. Представители «молодой формации» московских фабрикантов (В. П. Рябушинский, С. Т. Морозов и др.) принимали участие в совещаниях накануне съезда 6—9 ноября, где готовились резолюции съезда. В числе земских деятелей, подписавших резолюции съезда, фигурировали А. И. Гучков и М. В. Челноков. После закрытия земского съезда кружок либеральных гласных московской городской думы, в центре которого были освобожденцы С. А. Муромцев и Н. Н. Щепкин, решил провести в думе постановление, аналогичное земскому<sup>54</sup>. 30 ноября 1904 г. Московская городская дума единогласно приняла составленное Муромцевым и Щепкиным постановление о необходимости «твердого установления начала законности» и «создания законов при постоянном участии выборных от населения»<sup>55</sup>. Вопрос о правах представительного собрания в этом постановлении был обойден молчанием. По-видимому, московским «отцам города» больше по плечу было мнение шиповского меньшинства ноябрьского земского съезда о совещательном характере будущего представительного учреждения.

С целью популяризации постановлений земского съезда в конце 1904 г., по директиве «Союза освобождения», стали устраиваться банкеты, приуроченные к 40-летию судебных уставов. Банкеты происходили не только в столицах, но и во всех крупных провинциальных городах и в некоторых из них были даже многочисленнее, чем в Петербурге и Москве. Рекорд был установлен Саратовом, где собралось около полутора тысяч человек. Среди участников банкетов преобладали лица интеллигентных профессий — юристы, врачи, учителя, журналисты.

И. П. Белоконский утверждает, что «в резолюциях банкетов было выставлено прямое требование Учредительного собрания, тогда как в постановлениях земского съезда, как известно, не было произнесено даже самое слово «конституция»<sup>56</sup>.

В действительности выступления ораторов и принятые на банкетах резолюции отличались умеренным тоном и, как правило, не поднимались над уровнем постановлений ноябрьского съезда земцев. Вот как описывает банкет в Самаре освобожденец Д. Протопопов: «Сперва молчали. «Мы все едим, да молчим», — заговорил наконец управляющий банком М., вызывая к ораторам. Начались речи, в общем, очень умеренные. Ад-

<sup>52</sup> Из 164 гласных петербургской городской думы (1904—1910 гг.) 60 человек были избраны по квартирному цензу и 4 чел. — по назначению правительства. (ЦГИА СССР, ф. Гл. упр. местн. хоз., 1905, оп. 1, д. 29).

<sup>53</sup> Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 564, оп. II, д. 3442, л. 2.

<sup>54</sup> Там же, ф. 70, папка 57, д. 13.

<sup>55</sup> Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 16, оп. 94, д. 168, л. 68.

<sup>56</sup> И. П. Белоконский. Указ. соч., стр. 239.

вокат Г., например, высказал пожелание о восстановлении судебных уставов в их первоначальной чистоте. Я предложил подписаться под заранее заготовленным заявлением с требованием свобод и народного представительства. Начали подписывать заявление и собирать открыто на «Освобождение»<sup>57</sup>.

Если же в отдельных случаях требования банкетов выходили за пределы постановлений земского съезда, то это происходило не по инициативе либеральных организаторов банкетов, а вопреки им, под давлением рабочих и демократической интеллигенции. Большевики использовали банкеты, устраиваемые либералами, в целях революционной пропаганды. Как сообщала большевистская газета «Вперед», на одном из банкетов в Петербурге «особенное впечатление произвели речи рабочих — социал-демократов, предложивших лучше пролить кровь в борьбе с негодной правительственной системой, чем идти на эту бессмысленную непопулярную войну, истощающую все силы страны».

В соответствии с программой земского съезда Святополк-Мирский 24 ноября 1904 г. представил царю проект преобразований государственного и общественного строя. Этот проект предусматривал восстановление прежнего значения Сената как высшего блюстителя закона и согласование деятельности отдельных министерств по вопросам внутренней политики; пересмотр земского и городского положений (расширение круга избирателей, образование мелкой земской единицы. объединение в земских учреждениях всех имущественных и хозяйственных интересов данной местности) и распространение земского и городского положений на те обширные местности империи, которые не имели еще земских и городских учреждений. Далее в проекте говорилось о сближении крестьян в имущественных и гражданских правах и порядках управления с прочими классами населения, о расширении прав старообрядцев, о точном определении в законе прав еврейского населения, об отмене или хотя бы сокращении до пределов крайней необходимости предварительной цензуры и об установлении за все проступки печати ответственности, не иначе как по суду, о коренном пересмотре положения об усиленной охране и т. д. В заключение Мирский остановился на «пожеланиям мыслящего общества» об участии населения в законодательстве. Исходя из признания незыблемости самодержавия, ни с кем не разделяющего полноты своей власти, Мирский полагал, что участие населения в разработке законодательных предположений должно носить и совершенно особую, самобытную форму. Такой формой могло быть включение в состав Государственного совета на правах его членов известного числа выборных представителей губернских земских собраний и городских дум крупных городов. По мнению Мирского, «мера эта обеспечит более чем самые решительные полицейские меры, внутреннее успокоение, столь необходимое именно теперь, в переживаемую нами годину военных и политических испытаний»<sup>58</sup>.

В совершенно доверительном разговоре с начальником канцелярии министерства императорского двора Мосоловым Мирский еще более откровенно изложил мотивы, какие им руководили при выработке «общих начал» необходимых преобразований. По мнению Мирского, «эти мероприятия успокоят общественное мнение и предотвратят введение снизу более радикальных правительственных учреждений и тем самым отвлекут опасность для жизни монарха»<sup>59</sup>. Он добавил, что «желательно, чтобы эти начала были объявлены с высоты престола до 15 декабря, когда соберутся земские собрания»<sup>60</sup>.

<sup>57</sup> «Русская мысль», 1907, № 11, стр. 23.

<sup>58</sup> ЦГАОР СССР, ф. 601, оп. 1, д. 872, лл. 13—110.

<sup>59</sup> Там же, ф. 1001, оп. 1, д. № 1147, л. 4.

<sup>60</sup> Там же, л. 2.

Для рассмотрения предположений Святополк-Мирского собрался Совет министров под председательством царя. В то время как твердолобые реакционеры во главе с Победоносцевым ратовали за продолжение прежней «охранительно-попечительной» политики, другие сановники в целях раздробления «освободительного движения» предлагали пойти навстречу «умеренной и благоразумной» части общества. Министр финансов Коковцов обратил внимание на то, что при сохранении реакционного курса царизм теряет доверие финансовых кругов за границы, а это при неблагоприятном ходе войны может привести финансы страны в полное расстройство<sup>61</sup>.

12 декабря 1904 г. был опубликован указ Сенату «О мерах к усовершенствованию государственного порядка», обещавший постепенное уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, введение государственного страхования рабочих, расширение компетенции земских и городских учреждений, пересмотр законодательства о раскольниках и евреях и устранение излишних стеснений печати. Вместе с тем в указе подчеркивалось, что все эти реформы должны быть осуществлены при неперменном сохранении незыблемости самодержавия. В последнюю минуту, когда проект указа был представлен для подписи, царь по совету великого князя Сергея Александровича, поддержанного Витте, вычеркнул из него пункт о привлечении выборных от местных общественных учреждений к разработке законодательных начертаний из-за опасений, что это — первый шаг к ненавистой ему конституции.

Чтобы не оставить и тени сомнений в отрицательном отношении правящей клики к конституционным домогательствам либералов, одновременно с указом Сенату было опубликовано правительственное сообщение, осуждавшее «шумные сборища», предъявлявшие требования, несовместимые с «исконными основаниями существующего государственного строя». Земским и городским учреждениям запрещалось касаться вопросов о политических реформах, как выходящих из пределов предоставленных их ведению предметов. Таким образом, «Сообщение» осуждало все те действия земской оппозиции, которые привели к либеральной программе правительства, объявленной в указе 12 декабря.

Несмотря на лицемерие самодержавия и ничтожность обещанных им уступок, либералы готовы были видеть в указе 12 декабря «полный разрыв со всей политикой последних десятилетий»<sup>62</sup>.

Как уже отмечалось, на страницах «Освобождения» усиленно развивалась мысль о необходимости соглашения «революционеров и умеренных» для борьбы за политическое освобождение России.

В сентябре 1904 г. в Париже состоялась конференция «оппозиционных и революционных» партий. РСДРП и Социал-демократия Польши и Литвы отказались прислать на конференцию своих представителей, и участие в ней приняли «Союз освобождения» (Богучарский, Петр Долгоруков, Милюков и Струве), эсеры и ряд буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и организаций<sup>63</sup>. По предложению Милюкова, конференция ограничилась обсуждением того минимума общих принципов и ближайших целей, которые уже входили в программы участников, сохраняя неприкосновенными все пункты программ и тактических приемов каждой отдельной партии. Такой общей целью было признано достижение политической свободы<sup>64</sup>. В опубликованной от имени конференции декларации выдвигалось требование «замены самодержав-

<sup>61</sup> См. С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, М., 1960, стр. 331.

<sup>62</sup> «Освобождение», 1905, № 63, стр. 217.

<sup>63</sup> Финская партия активного сопротивления, грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, армянская революционная федерация, латышский социал-демократический союз, польская национальная лига и партия польских социалистов.

<sup>64</sup> См. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. 1, стр. 244—245.

ного строя демократическим режимом на основе всеобщей подачи голо-сов». Это требование нельзя признать удовлетворительным даже с точки зрения буржуазной демократии, так как оно не исключало сохранения монархии в России.

После Парижской конференции освобожденцы неоднократно пытались вступить в блок с революционно-демократическими партиями, разумеется, на условиях фактической гегемонии либералов. В Москве в середине декабря 1904 г., по инициативе В. А. Маклакова, состоялось совещание оппозиционных и революционных организаций. Было человек 30—35—освобожденцы, эсеры и социал-демократы. Маклаков и Тесленко призывали революционные партии согласовывать свои действия с тактикой либеральной оппозиции, которой де должна по праву принадлежать руководящая роль в борьбе за политическое обновление родины. Против подобных притязаний резко выступил И. И. Скворцов-Степанов. Он говорил, что рабочий класс имеет самостоятельные задачи и никогда в хвосте либеральной буржуазии не пойдет, что он до сих пор шел во главе революционного движения. Большевистские ораторы не отказывались от соглашений в каждом отдельном случае с другими партиями, но отстаивали необходимость самостоятельной и независимой тактики пролетариата. Большевики разоблачали дряблость и нерешительность либералов, половинчатость их лозунгов. Попытка московских либералов заключить блок с социал-демократами провалилась<sup>65</sup>.

Сами либералы неоднократно признавали тщетность своих усилий подчинить своему идейному влиянию разгорающееся революционное движение. Известный черниговский земец В. М. Хижняков, возвращаясь из Петербурга со съезда, заехал в Киев. Здесь руководители местной группы «Союза освобождения» В. В. Водовозов и И. В. Лучицкий убедили его сделать в одном из клубов сообщение о съезде. Собралось более тысячи человек. В своем выступлении Хижняков подчеркнул, что для проведения решений земского съезда в жизнь «необходимо, чтобы все, кому невыносимо жить при существующих условиях, забыли все партийные несогласия и дружно двинулись вместе до первого этапа, по достижении которого каждый может свободно направиться по избранному им пути».

«Как только я произнес эти слова,— вспоминает Хижняков,— в глубине плохо освещенного зала вскочил на стул какой-то молодой человек и произнес крайне запальчивую речь о том, что эти господа напрасно берутся решать судьбы России, что «мы» не можем идти с ними по одной дороге, что создание будущего государственного и общественного строя должно быть в руках рабочего класса и что только этот класс может установить будущие справедливые общественные и экономические отношения.

В таком же смысле произнесена была другая речь, в еще более резком тоне.

Воспользовавшись секундной паузой, на кафедру взошел В. В. Водовозов и, очень волнуясь, горячо и убедительно говорил в смысле выраженного мною пожелания, доказывая крайнюю опасность партийной розни в переживаемый Россией момент.

Но убедить большинство собравшейся молодежи было невозможно. Снова из полумрака раздавались резкие речи,— и я ушел из зала, сопровождаемый не особенно сочувственными возгласами»<sup>66</sup>.

До 1902 г., когда у либералов не было ни своего органа, ни нелегальной организации, революционная социал-демократия, по выражению В. И. Ленина, «будила» либералов, занималась «встряхиванием» и «рас-

<sup>65</sup> См. С. И. Мицкевич. Революционная Москва, М., 1940, стр. 321—322.

<sup>66</sup> В. М. Хижняков. Воспоминания земского деятеля. Пг., 1916, стр. 246.

шевеливанием» их оппозиционного духа, толкала их на путь протеста и политических обличений царско-полицейского произвола.

В 1901 г. в журнале «Заря» была опубликована статья В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», посвященная критике предисловия Струве к изданной за границей секретной записке Витте под заглавием «Самодержавие и земство». В полемике со Струве В. И. Ленин разоблачил непоследовательность и фарисейство либералов, которые давали «аннибалову клятву», т. е. клятву непреклонной, непримиримой борьбы с самодержавием за политическую свободу, и в то же время питали иллюзию о возможности мирной эволюции самодержавия в направлении парламентской монархии путем постепенного, строго легального расширения прав земства, которое Струве вслед за Витте рассматривал как «зародыш» конституции.

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что «в интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. Для нас далеко не безразлична поэтому оппозиция нашей либеральной буржуазии вообще и наших земцев в частности»<sup>67</sup>. Когда один либерально настроенный предводитель дворянства (М. А. Стахович) на миссионерском съезде в Орле (1901 г.) произнес речь в защиту свободы совести, В. И. Ленин назвал подобных людей «завтрашними нашими союзниками»<sup>68</sup>.

После того как либералы обзавелись своим органом и выступили с особой политической платформой, тактика революционной социал-демократии изменилась: главным стало разоблачение половинчатости и политиканства либералов, их стремления к сделке с царизмом на основе частичного «обновления» государственного строя страны.

В связи с оживлением либерального движения меньшевистская «Искра» выступила с так называемым «планом земской кампании».

С точки зрения меньшевиков, главной формой борьбы против самодержавия в то время были выступления земских собраний с конституционными адресами, банкеты и т. п. проявления буржуазной оппозиции. Рабочий класс должен был по плану меньшевиков ограничить свою роль поддержкой ходатайств, с которыми либеральные земцы обращались к царю. Меньшевики распространяли иллюзию о возможности перехода либеральной буржуазии на сторону пролетариата. Таким образом они хотели вызвать доверие к земству со стороны масс, окружить его ореолом защитника народных интересов и дать земцам моральное право выступать от имени народа.

В. И. Ленин указывал, что меньшевики своим заявлением, будто на арене политической жизни только две главные силы — самодержавие и либералы, разоблачали свой оппортунизм, свое неверие в силы пролетариата, в его способность к самостоятельной политической борьбе. Бичуя попытку меньшевиков изобразить земцев «друзьями народа», В. И. Ленин подчеркивал, что либералы «боятся революционно-социалистических целей «крайних» партий, они боятся уличных листов, этих первых ласточек революционной самостоятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия, пока не свергнет господства буржуазии»<sup>69</sup>.

<sup>67</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 71.

<sup>68</sup> Там же, стр. 347.

<sup>69</sup> В. И. Ленин. ПСС, т. 9, стр. 82.